

А.С. Герд

К истории образования говоров Поволжья и Южного Приладожья

(опубл.: Северно-русские говоры. Вып.5 / Под ред. А.С. Герда. Л., Изд. Лен.ун-та, 1989г., с.146-172)

В течение многих десятилетий юго-восточное Приладожье, Поволжье, Приильменье, Старая Ладога, Великий Новгород привлекают внимание археологов (1). Филологи изучали говоры Поволжья преимущественно в аспекте истории новгородского наречия. Впервые новгородское наречие выделил в 1852 г. П.А. Лавровский (2). Позднее А.И. Соболевский для эпохи XI-XIII вв. отметил отдельно новгородский, псковский, смоленско-полоцкий диалекты (3). А.А. Шахматов выдвинул и развил стройную гипотезу о первоначальной прародине всех севернорусов в районах среднего Поднепровья и о последующих их продвижениях на север вверх по Днепру, Ловати, в ходе которых кривичи заняли бассейн Западной Двины и Великой, а словене — бассейн Ловати, Приильменье и Поволжье. Позднее здесь на северо-западе возникает единый племенной союз севернорусов и прибалтийско-финских племён, который впоследствии и колонизовал весь север (4).

На итоговой карте МДК говоры Поволжья были отнесены к западной группе севернорусского наречия (5). В советское время продолжалось активное обследование Поволжья и Приильменья, нашедшее свое отражение как в Диалектологическом атласе русского языка, так и в ряде обобщающих монографий и статей. Таковы диссертации А.Ф. Марецкой, В.С. Овчинниковой, В.И. Чагишевой, Л.П. Михайловой; статьи Н.П. Гринковой, Е.П. Лупповой, В.В. Колесова, А.В. Никитина, А.В. Клевцовой, О.Т. Бархатовой, и в особенности, работы по лексике В.П. Строговой. Во всех отмеченных исследованиях детально описаны и картографированы фонетические, морфологические и частично лексикологические черты говоров Поволжья. Фонетические и морфологические особенности говоров Поволжья как части новгородских диалектов в историческом аспекте проанализированы и в коллективном труде филологов кафедры русского языка Ленинградского университета «Русская диалектология» (6).

Подытоживая данные по фонетике и морфологии, авторы книги «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» подчеркивают тесные связи ладого-тихвинских говоров с центрально-новгородскими диалектами, малое число местных инноваций, влияние в определенный период ростово-суздальских говоров, ими отмечен и ряд южнорусских черт. Наконец, начиная с 50-х годов XX в. в картотеках Новгорода и Ленинграда трудами полевых диалектологов были собраны богатые материалы по лексике новгородских диалектов.

Славянская региональная сравнительно-историческая лексикология делает сегодня в целом еще свои первые шаги, постепенно становится более ясным различие между этимологией, общей исторической лексикологией и региональной исторической лексикологией и теорией этногенетических исследований (7). При этом цель региональной исторической лексикологии не история слова в языке в целом, а определение исторических путей проникновения тех или иных слов в диалекты, письменность на диалекте. При анализе истории диалекта важна не общая этимология слова, а анализ путей его проникновения в диалект в данной конкретной форме и в данном значении. Существенно не то, к какой праформе этимологически восходит слово, а то, где, в каком ареале, когда возникло это слово и как оно попало в этот диалект. Вот почему для исторической диалектологии особенно важна роль устойчивых производных. Слово, диалектное в одном национальном языке, нередко выступает как нормативное в соседнем, слово, слабое и неактивное в одном диалекте, оказывается широко распространенным и активным в другом.

Именно региональная историческая лексикология лучше всего определяет пути проникновения конкретного слова в диалект. В идеале цель сравнительно-исторического словаря диалекта и состоит в определении того, в каких значениях, откуда, как, какими путями и когда проникли те или иные слова в данный диалект. У нас пока нет таких словарей, но в перспективе они явятся главным источником для построения истории отдельных диалектов. Несмотря на определенную асистемность лексики, именно она представляет собой бесконечно богатый источник для проблемно ориентированных историко-диалектологических и этногенетических построений.

Привлечение в исследования этногенетической направленности географически и хронологически далеких ареалов, таких как чешский, словацкий, лужицкий, словенский, необходимо для определения общих первичных истоков диалекта. Анализ таких зон дает возможность выявить архаику в лексике, которая нередко лучше сохраняется на периферии, в маргинальных ареалах, и помогает отличить факты поздние, узлокальные, от древних, порой праславянских.

Прежде чем перейти к анализу материала, сделаем ряд вводных замечаний. Источник статьи - КСРГК и специальный словарь (свыше 500 слов Поволжья), неоднократно проверенный в полевых условиях и по КСРГК. К говорам Поволжья отнесены русские диалекты в бассейне рек Волхов, Сясь, Паша, Оять. Под термином севернорусские говоры имеются в виду го-

(1) См., например: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985, там же см. обширную литературу вопроса; Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии. М., 1980. № 160. С.24-38; Седов В.В. Восточные славяне в XI-XIII вв. М., 1982. Ниже в целях сокращения термин говоры Поволжья условно применяется ко всем говорам нижнего и среднего течения Волхова до бассейна рек Паша, Оять.

(2) Лавровский П.А. О языке северных русских летописей. СПб., 1852.

(3) Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С.17-18.

(4) Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч.1. Пг., 1916. С.54-63.

(5) Опыт диалектологической карты русского языка в Европе // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып.5. М., 1915.

(6) Ниже ссылки приводятся только на работы, отсутствующие в библиографическом указателе «Славянское языкознание». См.: Славянское языкознание. Вып.1-2. М., 1963, 1973, 1980. См. также: Герд А.С., Лутовинова И.С., Михайлова Л.П., Рождественская Т.В. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // Советская этнография. 1985. № 6. С.28-37.

(7) Герд А.С. Еще раз к вопросу об объекте этногенетических исследований // Полесье и этногенез славян / Под. ред. Н.И. Толстого. М., 1983. С.12-13.

воры, исторически легшие в основу восточнославянских диалектов к северу от Смоленска - Полоцка. Полесские говоры выделяем особо, так как их границы не совпадают с границами украинского, белорусского и русского языков. Термины волховский, новгородский и севернорусский употребляются как синонимы. В статье не рассматриваются: локальные ограничения в ареалах слов за пределами русских северо-западных диалектов, география слов Поволховья в южнославянских языках, так как большинство восточнославянских слов связано с Поволховьем через украинские, словацкие или полесские диалекты.

Поскольку для сопоставления из других диалектов привлекаются в основном только слова, полностью совпадающие и по форме, и по значению, примеры из источников по другим славянским диалектам не приводятся, если они отражают различия: а) только в графике (латиница, кириллица); б) закономерные, регулярные фонетические изменения и орфографические замены типа: русс. жигало, словац. žigadlo, пол. żęgadło; русс. бремя, чеш. břeme; русс. квет, укр. квіт, пол. kwiat; русс. кила, словац. kyľa; русс. орать, белор. ораць; русс. молочник, пол. młocznik; русс. жниво, словац. žniwo.

Сравнительный материал из других славянских языков приводится только, если привлекаемые для сравнения слова несколько отличаются: а) по значению, употреблению: ср. сев.-рус. гваздаться 'падать, пачкаться', пол. gwazdzić 'делать плохо', словен. gvazdat' 'болтать', рус. клюка 'кочерга', словац. kľuka, сев.-рус. сукать тесто, шерсть, укр. сукати бублики, словац. sukať pivo, víno, рус. гмыриться, укр. только в ономастике — Гмыря; б) по словообразовательной структуре — сев.-рус. подпечек, укр. підпеччя, словац. podpecie, рус. басалай, пол. basałuk. В тех случаях, когда весь сравнительный материал почерпнут из ЭССЯ, в статье в скобках приводится сокращение «ЭССЯ». В косые скобки заключены названия говоров, в которых данное слово, вероятно, отсутствует.

Рассмотрим типы лексических связей говоров Поволховья с другими славянскими диалектами.

1. Говоры Поволховья, западного Приильменья, псковские, смоленские, брянские, курско-орловские, белорусские, полесские, украинские, польские, нижнелужицкие, словацкие диалекты, иногда минувшие чешские диалекты. Али 'или', алибо 'или, либо' (ЭССЯ), бабить 'принимать роды, ухаживать за новорожденным' (ЭССЯ), балакать 'разговаривать, болтать', батька, батько 'отец', баять 'говорить, рассказывать', беремя 'ноша, охапка чего-н.', боровина 'лес, поляна, пригорок в лесу', боязливый, вышка 'верхняя часть дома, чердак', гад 'змея', гамзить 'делать что-н. не так, как следует, полагается', широкое диффузное значение, бел. гамзаць, укр. гамзатися, пол. gamzać; гаркнуть 'крикнуть', укр. гаркати 'картавить', словац. harkaťsa 'браниться'; гваздаться 'падать, пачкаться', пол. gwazdzić 'делать плохо', словац. hvazdat' 'шинковать', словен. gvazdat' 'болтать глупости' (ЭССЯ), глум 'насмешка', глумиться 'насмехаться', гомонить 'болтать, шуметь', горазд 'очень сильно, много', гораздно 'в высокой, большой степени', горготать 'кричать, смеяться, шуметь', грабить сено, граблище 'рукоятка грабель', гумённый 'относящийся к гумну', дарма 'даром', дрочить 'ласкать, холить, заботиться, дразнить', дуля 'дикая груша, груша', дюже 'очень, сильно', жагало, жигало 'жало', жито 'рожь', жниво 'жатва, время жатвы', журавина 'клюква', запечек, запечник 'место между печью и стеной', земь 'земля; пол', зимно 'холодно', качка 'утка', квет 'цветок', кила 'грыжа', кислица 'щавель', клюка 'кочерга', словац. kľuka, клеть 'кладовая, амбар, подвал', кляча 'жердь, бревно' (часто как часть орудий: пск. и укр. кляча - 'жердь в сетях', словац. kľača 'часть плуга'), комель 'нижняя часть бревна, снопа, стебля и т.п.', корец 'ковш', лопотать 'говорить, бормотать, болтать, шуметь', ляда 'поле, пашня', молочник 'растение', мульный 'мутный, грязный, илистый (о воде)', словац. mlisťu 'то же', нехай 'пусть, пускай', орать 'пахать', отава 'новая трава после покоса', подпечек 'место под печью', бел. патпечак, пол. podpieczek 'то же', укр. підпеччя, словац. podpecie 'то же', почать 'начать', робить 'делать что-н.', татко, тато 'отец', творить тесто, торба 'сумка, мешок', хата 'изба, дом', чапить 'бить, ударять', черемха 'черемуха', черница 'черника, ягода', чуять 'слышать', язвец 'барсук', ярка 'овца'.

2. Говоры Поволховья, псковские, смоленские, курские, орловские, полесские, белорусские, украинские, верхнелужицкие, чешские, словенские, сербохорватские диалекты в их противопоставлении польским диалектам. Ектать 'болтать попусту, икать' (ЭССЯ), комлаты 'безрогий', ср. бел. камлаты 'хвост', хоромы 'дом, помещение в доме'.

3. Говоры Поволховья, западного Приильменья, псковские, смоленские, брянские, курско-орловские, белорусские, украинские, словацкие в их противопоставлении польским и чешским диалектам. Брусница 'брусника', вековечный 'существующий издавна', вертоголовый, ср. словац. vrtohlavy, вихор 'буря, вихрь', словац. víchor, дытки 'икры ног', ручник 'полотенце', сукать тесто, шерсть, ср. укр. сукати бублики, словац. sukať pivo.

4. Говоры Поволховья, псковские, украинские, польские, словацкие (этих слов, по-видимому, нет в белорусском). Гмыриться 'хмуриться, сердиться, брезговать', укр. - только в ономастике: фамилия Гмыря, пол. gmyrać się 'делать что-н. не так, копошиться', словац. hmyriťsa 'копошиться, суетиться'.

5. Говоры Поволховья, западного Приильменья, псковские, смоленские, брянские, белорусские, украинские, словенские, сербохорватские. Белить 'заправлять сметаной', словен. 'приправлять жиром' (ЭССЯ), братан 'брат, племянник', гашник 'пояс', старочеш., старопол. (ЭССЯ), гнетить 'разжигать огонь', в укр. гнітити 'жарить на огне' (Желех.); гостьба 'пребывание в гостях' (ЭССЯ), грива леса 'возвышенное место в лесу', дроля 'возлюбленный, дорогой', не южнее смол. и только с.-х. (ЭССЯ).

6. Говоры Поволховья, Приильменья, псковские, смоленские, брянские, курские, орловские, белорусские, полесские, украинские, польские диалекты. Бродник 'невод', бурак 'свекла', верес 'можжевелик', верша 'рыболовная сеть', вершить стол, ветреник 'доска на доме под крышей', вехоть, вехотка, высевки 'отходы, отруби', глыбокий, глыбоко, глыбь, грым 'гром, шум', девесил 'растение', домовина 'гроб', душник 'отверстие в трубе, в печи, отверстие для проветривания', завор 'калитка, ворота, часть ограды', укр. завірки, пол. zawóг 'замок, ключ', заулок, зачать 'начать', квёлый 'слабый, хилый, податливый', кошель 'корзина, лукошко', кромка хлеба, лесовой 'лесной, дикий', доза 'ива', дохань, доханка 'миска, кадка', маленство, с маленства 'с малолетства', мара 'привидение, призрак', молозиво 'первое молоко после отела', морозливый, мормотать 'бормотать', мураш, мурашек, бел. мурашка, укр. мурашва (собр.), пол. muraszek, muraszka, в севернорусской зоне, по-видимому, налицо сохранение архаической формы, мурашник 'муравейник', мшара, омшара 'болото', мшить дом, обабок 'гриб', черниг. абабка 'то же', очеп 'жердь для люльки, ведра', укр. очепа, папороть 'папоротник', пол. rargóć, пашня, поветь 'сарай для сена, скота', пороша 'первый снег', посад снопов 'укладка снопов, обычно для молотбы', тата, тато 'отец', торкать 'втыкать, ударять вбивая'.

7. Говоры Поволховья, псковские, смоленские, брянские, курско-орловские, полесские, белорусские, польские диалекты. Багун, багон 'растение'; балабуха, балабуша, балабушка 'булочка', белуга 'подзолистая почва', блондять 'бродить', братеник,

глонуть 'отпить, откусить', деркач 'птица', клевец 'молоток', латка 'блюдо', летось 'прошлым летом', леха 'часть земли, грядка', малец 'подросток', цевьё 'рукоятка ножа, граблей'.

8. Говоры Поволховья, Приильменья, псковские, реже — смоленские и только польские диалекты. Басалай 'шалун, озорник, бездельник, болтун', пол. *basatyk* 'о человеке, неодобр.', бася-бася, баси-баси 'подзывные слова для овец', пол., келецк. *basiu-basiu*, баша-баша 'то же', баша 'овца', кашуб. *baša* 'овца', головщина 'убийство', пол. *głowczyna* 'штраф за убитого', кулик 'ряженный'.

9. Говоры Поволховья, Приильменья, псковские, смоленские, брянские, орловские, курские, полесские, белорусские, украинские диалекты. Балаболка 'болтуня', укр. *балаболка* 'бубенчик', белток 'белок', благой 'плохой, с недостатками', божница 'полочка для икон', болботать 'болтать', брать грибы, ягоды; волос 'болезнь', глыжа, глыжка 'ком', годовать 'воспитывать', грымнуть 'упасть с шумом', двойнята 'близнецы', докуль; долонь, долоня 'ладонь; пол в гумне'; загнет, загнета 'место в печи для углей; горячие угольки', туров. загнет 'разведенный огонь', закраек 'край леса, поля, озера, льда', заливной дождь, засек 'отгороженная часть подполя, сарай для хранения овощей', злыдень 'о человеке', зыкать 'бегать', брян., укр., туров. только в значении 'кричать', калган 'растение', косовище 'палка косы', в белор. только к северу от Витебска; костер дров, кряж 'бревно, чурак', курнявкать 'мяукать', укр. *курникати* 'то же', в белор. к северу и северо-востоку от Немана, Березины; лезьё, лезо 'лезвие косы', лесовик 'лесной дух', лузга 'шелуха', лунь 'птица', медунца 'растение', межень 'лето, середина лета', мездра 'слой под корой дерева; обратная сторона чего-н.', мокрица 'сорная трава', морхатый 'морщинистый', туров. морхлы, укр. морхлый 'о плодах' (Гр.), недосоль 'что-н. недосоленное', в белор. - в Полесье; ночёвка 'блюдо', оболонь 'часть дерева', огрех 'пропуск при косье, пахоте', окотиться 'о кошке, овце', опечек 'часть печи', оттуль, печурка 'часть печи', порскать во-дой, рахманый 'спокойный', рундук 'ящик, сундук', укр. - в знач. 'ларь на базарной площади', сивый 'седой', солодуха 'кушанье', стрелка лука; турять 'гнать овец, стадо', чекуха, чекуша 'молоток', шворень 'гвоздь', шибко 'быстро', шмат 'кусочек, часть чего-н.', шугай 'одежда', шукать 'искать', райдуга 'радуга', рель в лесу, укр. *рілля* 'пашня', решить 'разрушить, уничтожить, убить', сполох 'переполох, испуг', спорожнить, спорознить 'опорожнить', стебать 'бить, стегать', стрела 'молния', темить, тропать 'топать ногами', черень 'рукоятка ножа'.

Таков же ареал модели с суффиксом -ище для обозначения места, на котором что-нибудь находилось, росло ранее, типа: картофище 'поле, с которого убран картофель', ржанище.

10. Говоры Поволховья, Приильменья, псковские, реже — калининские не южнее Опочки, Великих Лук — Ржева, и только украинские (как будто бы этих слов нет в основных белорусских диалектах). Ворошить сено, вывод 'дымоход печи', гля 'для', грузень 'гриб', жадобный 'милый, дорогой, обычно в обращении', завечать 'давать обет, предвещать', засовень 'засов', зашенить 'защемить', укр. зашекнути 'то же', зорянка 'звезда', кокотать 'болтать, пустословить', крянуться 'тронуться, начать двигаться (о льде)', укр. кряннути 'ударить', пеганый 'с пятнами в крапинку', укр. *піганистый* 'то же', промежек 'пространство между постройками', пряжоник 'жареный пирожок', ср. укр. *пряжений, пряженя*.

Многие из этих слов активны на севере в архангельских, вологодских, заонежских диалектах.

11. Говоры Поволховья, Приильменья, псковские, смоленские, брянские и только украинские диалекты. Баской 'красивый', укр. *баский* 'рьяный, резвый', ватажиться 'дружить, ухаживать', вахлак 'бранно о человеке', водополь 'половодье', водяник 'водяной', гулящий день 'свободный от работы', кашник 'горшок с ручкой', межник 'межа'.

12. Говоры Поволховья, псковские, калининские, южнорусские диалекты и только словацкие, реже - украинские диалекты. Клоктать 'кудахтать', словац. *klokať* 'икать', патраться - широкая гамма диффузных значений - 'возиться, пачкаться', укр. *патрати* 'очищать пищу от перьев', словац. *patrať* 'высматривать кого-н.'.

13. Говоры Поволховья, псковские диалекты и только словацкие диалекты. Двойчата 'двойня', жмыхать 'жать, ударять, стирать', словац. *žmukať*, далоки 'дёсны', словац. *lalok(y)* 'вырост округлой формы', плешатый 'лысый, плешивый', словац. *plešatý*; пряжить 'есть', русс. зап. пряжить, словац. *pražiť* 'греть, жарить', скать тесто 'раскатывать тесто', словац. *skáť* 'расчёсывать пряжу', ср. пск. скасть пряжу 'сматывать, скручивать', став 'ткацкий стан'.

14. Говоры Поволховья, Приильменья, псковские, смоленские, брянские, курские, орловские, белорусские, полесские диалекты. Багульник 'растение', байня 'баня', баря-баря 'подзывные слова для овец', бегучий 'проточный', белянка 'блондинка', берестень 'корзина; горошек в щербине', блюдоко 'блюдце', болтошить 'болтать попусту', бук 'корзина, сосуд для кипячения белья', бучило 'яма с водой', бучить бельё, валуй 'гриб', вековуха 'старая дева', верховая вода 'вода из верхних слоев', вершник 'верхний косяк окна, двери', в белор. чаще - вершняк (СБГ), вольный воздух 'свежий', воспарение 'туман, пар от земли', выгар 'место, где что-н. горело', глазы 'глаза', глюдко 'скользя', голубица 'голубика', гонотьё 'щепа, лучина', гоношить 'готовить пищу', горькуха 'сорное растение', грабловище 'рукоятка грабелей', грибчатый 'с большими губами, морщинистый', гульба 'гуляние', гуша 'суп', досюль, дрочёна 'кушанье', дурковатый, дюжий, дюжой 'крепкий, сильный', ежа 'еда', жигануть 'обжечь, ударить', жихарь, залобок 'фронтон', засень 'тень', згарода 'изгородь', зыбка 'колыбель', зыбун 'болото', изгарода 'изгородь', каляный 'твёрдый, жёсткий', кокора 'пирог', колосовик 'гриб', колотьё 'болезнь', кремяный 'твёрдый, крепкий', крявулями 'зигзагами (о дороге)', крупеня 'кушанье', крылец 'крыльцо, веранда', летошник 'годовалое животное', мурцовка 'кушанье', небо, нёбо 'свод печи', нетель, нятина 'ботва', одонок, одонье 'основание стога из веток, стог', оногдась 'иногда', отвоней 'слабее', откуль, отлив 'карниз крыши', отсель, отсюль, палисадник 'ограда, цветник перед домом', пасёстра 'неродная сестра', подволока 'рыболовная сеть', подзорник 'кружевной узор на занавеси', подушка окна, покуль, посудник 'шкаф', прогалока 'поляна, промежуток', продух 'провал в болоте', бел. сев.-зап. продуха 'отверстие во льду', прокос 'скошенная полоса', простокиша 'простокваша', пуня 'сарай', пьятка 'количество чего-н., помещающееся в ладони', распустить сено 'разложить для просушки', редель 'вешала для сена', росстань, ростани 'перекрёсток', сак 'жакет', санки 'скулы', светец 'лучина для освещения', севец 'тот, кто сеет', сковородник, сродственник, стожар 'подмостки стога, стог', сумёт 'сугроб', утиральник 'полотенце', хряпа 'корм для скота'.

Именно в это зоне особенно продуктивна модель «основа существительного с суффиксом -ин(а) с сингулятивным значением (лесина, деревина) и словообразовательная модель слов типа зимусь, ночесь. Большинство слов из Поволховья теснее всего связано с говорами восточной и юго-восточной Белоруссии. Это слова: баря-баря, барь-барь, бегучий, белянка, бук, бучить, валуй, выгар, гуша, дрочёна, кремяный, одонок, оногдась, палисадник, пасёстра, пуня, санки, севец, сумёт, утиральник.

В этой группе следует особо выделить также ареал, который объединяет говоры Поволховья, псковские диалекты, русские говоры Прибалтики, белорусские говоры не южнее линии Поставы - Глубокое - Витебск (реже - до Могилёва), т.е. преимущественно говоры в бассейне Западной Двины. Это слова: байня, багульник, блюдно, вершняк, вольный (о воздухе), горькуха, грибчатый, дурковатый, жихарь, закол, залобок, засень, зыбка, згорода, зыбун, каляный, кокоря, колосовик, коло-тьё, крылец, посудник, прогалок, пястка, светец.

15. Говоры Поволховья, Приильменья, псковские, западно-калининские, смоленские, брянские, орловские (реже - сопредельные украинские и белорусские, польские) диалекты. Бабаня, баска 'кофта', бахилы 'сапоги', бахмора 'оборка', бобки 'что-ни. разбитое', боров 'часть дымохода', боря-боря 'подзывные слова для овец', буй 'возвышенное открытое место', вдвоих 'вдвоём', вдёрнуть 'вдеть', ведерница 'корова, дающая ведро молока', вековушка 'старая дева', вешка 'палка', взды-нуть 'поднять', вместях, водонос 'кормысло', волнуха 'гриб', воять 'петь', впокатку 'вповалку', смол., брян. впокат, вякать 'лясть, мяукать, плакать, выть', гагара 'брюки', гайтан 'пояс', гарус льна 'пучок пряжи', гли 'около', голик 'веник', городня 'ограда', грибовик 'дождь', грибы 'губы', давнёшний, завчера 'позавчера', зеркало печи, зимник 'ветер', каталка для белья, князь 'верхнее бревно дома', кокушка 'растение', крошево 'кушанье', лава 'мостки', ляма 'болтуня', мазурик 'озорник, гряз-нуля (бранно)', маткин берег 'как эмоц. восклицание', пелюшня 'сарай', придворок 'место около двора', стрекава 'крапива', упетаться 'устать', хряк 'боров', шороха 'лёд', южн., юго-запад. шерех.

16. Говоры Поволховья, Приильменья, западно-калининские, псковские, смоленские, калужские диалекты. Баенник 'дух бани', баретки 'женские туфли', бачить 'говорить', бедко 'плохо, горько', белёный суп 'суп, заправленный сметаной', боры 'оборки, бахромы', бористый 'с оборками', ведьмова, ведьмовка 'колдунья', взаболь 'всерьёз', векша 'белка', волочуга сена 'воз', во снах 'во сне', везель, вязель 'топь', глушина 'вид берёзы', гнила, голыш 'яйцо без скорлупы', горяшка 'гриб', грузно 'тяжело', гул, дать гул 'кри, эхо', душмяный 'ароматный', есть (пить) голю 'без хлеба', жарёха 'что-н. жареное', жёлна 'дятел', жмура, жмойда 'скупец', зарод 'стог', земляница 'земляника', ивень 'иной', каверзать 'хитрить, сплетничать', клуха 'на-седка', кутёж 'метель', кухнуть 'откликнуться'.

Многие из этих слов, по видимому, характерны из для ближайших сопредельных белорусских диалектов.

17. Говоры Поволховья, псковские диалекты — повсеместно (хотя о повсеместном ареале слов на Псковщине всегда сле-дует говорить с осторожностью). Барахлистый 'о человеке', барыхматься 'возиться, барахтаться', барабоша, барабоха 'бол-тун', бухмарный, вольница 'о детях', горянка 'гриб', давень, домаха 'хорошая хозяйка', жестокый хлеб, сыр, заботный 'забот-ливый', заусонье 'тень', колпак печи, липа, липина 'косяк окна, двери', отомкнуть, матица 'балка', толнуть, потолочина, сопка 'холм', споркий 'хороший, удобный'.

18. Говоры Поволховья, псковские диалекты (не южнее линии Красногородское — Опочка — Великие Луки — Торопец). Ах, тошно моё, баркан 'морковь', басеньки-басеньки 'подзывные слова для овец', белудок 'белок', буерага 'пурга', дворовик 'домовой', желудок 'желток', жмыль 'скупец', зень 'земля, пол', измятина 'отстой от сбивания масла', крыжа 'крыша', кубач-льна, обудёнком 'за один день', одёр 'телега', опружить 'вылить, высыпать', паужна 'полдень', падара 'буря', пахать пол, пе-рехватка 'завтрак', петун 'петух', пешом 'пешком', пикать, пикалэк 'бабочка', пожинки 'последний день жатвы', порозный 'пустой', робливый, родиха, ситовик 'гриб', сукром 'сруб', сурукать 'терebить, тереть', тина 'стебли', токило, токилье 'точило'.

19. Говоры Поволховья, псковские диалекты (не южнее линии Себеж — Пустошка — Великие Луки). Башенька 'овца', верёх 'верх', гверста 'гравий', кормилец ты мой 'как обращение', кринка 'глиняный горшок', леший 'дикий', напробоску 'босиком', паголёнки 'чулки без стопы', попервости.

20. Говоры Поволховья, псковские диалекты, по-видимому, не южнее Пушкинских Гор, Новоржева, Великих Лук, Торопца. Абазурить 'проказничать, обманывать', абалмот, пск. абалмош 'болтун, плут', бабурка 'часть печи', вьор 'водоворот', шляца 'слякоть, распутица'.

21. Говоры Поволховья, псковские диалекты (не южнее линии Пыталово — Остров — Новоржев). Бабничать, грабитва сена, дивья 'хорошо, отлично', дровянки 'сани', ектуха 'икота', кисёлка 'растение', коневий столб 'растение', медуха 'растение', мо-лодливый, подольховик 'гриб', пружить 'наклоняться', тяга 'ручка двери', упакать 'сделать как надо', устоек, устойка 'сливки'.

22. Говоры Поволховья, псковские диалекты (не южнее линии Псков — Порхов). Боском 'босиком', букарка 'насекомое', верхосыть, верхосытка 'третье блюдо', на гладі 'на ровном, открытом месте', дракун 'драчун'.

23. Говоры Поволховья, псковские говоры (только на юге и востоке Псковщины, исключая центральную часть). Белузгова-тый 'серовато-белый', бранина 'ткань', верхоплавка 'рыба', жередка 'жердь под потолком'.

Показательно, что слова, известные только в Поволховье и в южном Приладожье и только на Псковщине, распределяются на последней в виде широких уступов с севера на юг.

Наконец, отметим немало слов Поволховья и юго-восточного Приладожья, неизвестных уже к югу от Приильменья в бас-сейне рек Луга, Плюсса. Большое число таких слов, говорящее о резкой противопоставленности говоров Поволховья диале-ктам в бассейне Луги, Плюсы заставляет серьёзно задуматься над вопросом о полном единстве происхождения говоров к востоку и западу от Волхова, Ильменя (8).

Среди этих слов выделяются слова: а) широко известные сегодня уже во всех севернорусских говорах от Поволховья и Приладожья до Беломорья, Белоозерья, Подвинья и восточнее (9): вачера 'рукавица', верва 'дратва', воронец 'жердь в избе для хозяйственных нужд', жараток 'часть печи', заложка 'засов', заколина 'жердь стога', заспа 'крупя', калитка 'выпечное из-делие', кехтать 'понимать, знать', корба 'глухое место в лесу', коты 'вид обуви', кулига 'часть сенокоса в лесу', липка 'бабоч-ка', мошник 'тетерев-глухарь', ономедь 'недавно', рибуша 'рваная одежда', рохлый 'незрелый, сырой', рудовый 'крепкий', сеногной 'дождь', сиверик 'ветер';

б) известные от Поволховья и Приладожья до Беломорья, но не известные восточнее Бабаева, Вытегры, Пудожа: канабра 'растение', овсяник 'медведь', пахнуть рукой 'махнуть, вытереть', полагать 'класть, размещать, надевать', ригача 'гумно';

(8) Полевая проверка 360 слов Поволховья, предположительно неизвестных к западу и юго-западу от Волхова, была проведена летом 1986 г. в среднем течении Луги и Плюсы. Проверка почти полностью подтвердила данные КСРГК и КПОС. Приношу благодарность А.Г. Лав-рентьевой, М.А. Тарасовой, О.И. Фоянковой, организовавшим эту проверку.

(9) Здесь учтены и данные СРНГ.

в) известные от Поволховья и Приладожья до Беломорья, а на востоке не восточнее бассейна Онеги: вольный парень 'озорник, шалун', доснить 'блестеть', тукач 'связка, снап', линия 'улица домов', нявгать 'мякуть';

г) известные от Поволховья и Приладожья не севернее Заонежья: жеделяга 'грязь', жимкать 'мять, давить', луковая трава 'перья зелёного лука', мали-мали 'подзывные слова для кур', ослониться 'облокотиться', охлопное бревно 'верхний венец дома', пилькать 'моргать', скакун 'тесто', хухляк 'ряжениый'. Само по себе большое число слов Поволховья неизвестных уже к дому от Луги, Плюссы говорит о том, сколь велик потенциальный фонд локальных ладого-волховских новообразований.

Каково же распределение лексики Поволховья в пределах юго-восточного Приладожья.

Во-первых, выделяются слова, по-видимому, не известные севернее Паши, Кондеги, Капши (10): баграй 'бранно', базла 'враньё', бабча 'бабушка', береснуха 'корзина', болонить 'болтать', варнава 'птица?', верхушка 'темя', волоковики 'глаза', варакоса 'болтунья', вянгать 'говорить', глядельце 'зрачок', горбач 'окунь', гурком 'вместе', дикуясить 'озорничать', зилек 'часть кочана капусты', исхожа 'место выпаса', калега 'брюква', карнякуать 'мякуть', кеж 'отходы от овса', клуб 'кочан капусты', по козикам ходить 'питаться по очереди, о пастухе', крупяш 'пирог', кулой 'игра', кутерьба 'вьюга', лыкнуть 'обругать', мочевина 'топь', муравка 'горшок', мутарить 'сплетничать', мызнуться 'упасть', наливашка 'булочка', новец 'месяц', обшир-кать 'подмести', однобрюшники 'близнецы', ока 'зевок', омянда 'толстяк', осокорь 'трава', зачупяга 'глушь', охобочивать 'угощать', пережабина 'мелкое место на озере', пигарь 'луг', плетушка 'связка лука', плехнуть воды, плюсье 'очистки', позём 'навоз', посидка 'посиделки', пучки 'глаза', рататуй 'бранно', разманяга 'спокойный', резуха 'трава', редузина 'отверстие в зубах', ростопель 'слякоть', ряма 'лес, топь', сальпа 'муха', салага 'дровни', свёртыш 'булочка', селезень 'борозда в поле', сикаш 'муравей', сланик 'иной', старбень 'старик', стень 'тонкий лёд', столбняк 'растение', стрелец 'растение', сухарка 'насекомое', тельмой вопить 'очень сильно', тепша 'грязь на дороге', тильнуть 'о звуке', толкун 'комар', ой тошненько мне, тюки-тюки 'подзывные слова для цыплят', усовье 'болезнь', хайма 'много', хамкать 'зевать', хухриться 'болеть', черкун 'кузнечик', чичкать 'есть', шатия 'бродяги', шатун 'медведь', шорыхать 'тереть', шухоботить 'возиться'.

Во-вторых, выделяются слова, не известные севернее бассейна Ояти: бавьян 'рыба', багула 'багульник', барда 'осадки', евдошка 'плотва', брянгать 'звенеть', экон 'трава', закрутка 'задвижка', ёк карамы 'бранно', кропаш 'пирожок', кулгача 'ворота, калитка', завдвижка, меледить 'мелькать, рябить', папороть 'папоротник'.

В-третьих, выделяются слова, не известные севернее бассейна Свири: акшинье 'пахта', баша-баша 'подзывные слова для овец', бангать 'ударять', егуньки — еги-еки, ёкуна-ваня 'бранно', ёкко 'вон, вот', игондаты 'ржать', идный 'иной, другой', кара 'омут', кугача 'калитка', чуга 'лодка, баржа'.

В целом, приведенные лексические данные вновь подтверждают неоднородность ладого-тихвинских говоров северного наречия. Поскольку лексические связи говоров Поволховья с говорами к северу и северо-западу от Волхова, Ояти, Свири освящены нами ранее, рассмотрим ниже связи говоров юго-восточного Приладожья только с диалектами, лежащими к востоку и северо-востоку от них (11).

Говоры к югу от Паши, Кондеги обнаруживают следующие типы связей: 1) с говорами в бассейне Чагоды, Белого озера, в Беломорье, реке Пудожья: гостьба 'угощение, время нахождения в гостях'; 2) только с говорами в южном Беломорье (окраинные изоглоссы): блюдко (т. Чуд., Кириш., и т. Арх.; Онеж.); 3) с говорами в бассейне Чагоды, Мологи, Белозерья, реке до Каргополя: балабыш 'пирожок', бараблять 'делать что-н. не так', бедро 'трудно', брякотушка 'колокольчик', брящить 'делать что-н. с трудом', бухмарка 'ящерица', варакосить 'рассказывать', варзаться 'возиться с кем-н.', веретельница, веретенница 'корзина', вертиголовка 'о человеке', вершило 'верх головы', едовый 'съедобный, обильный', дракун 'драчун', киселка 'щавель', палисадник 'ограда, изгородь', райдуга 'радуга'.

Слова, известные не севернее бассейна Ояти, обнаруживают связи: 1) с говорами в бассейне Чагоды, Белого озера, в Каргополе, Беломорье: багула 'багульник', барда 'осадки от перегонки браги', боры 'оборки'; 2) только с говорами в Беломорье, иногда захватывая Вытегру (прерывистый ареал): горькуха 'гриб', князь 'верхнее бревно в доме', подпечек 'место под печью'; 3) с говорами в бассейне Чагоды, Мологи, в Белозерье, реке до Каргополя: базлить 'выдумывать, просить', баря-баря 'подзывные слова для овец', белоус 'растение', белуга 'подзолистая почва', борода 'подбородок', голыш 'яйцо без скорлупы', гонотьё 'щепка', деянки 'варежки', залобок 'фронтон дома', косыга 'игла'.

Слова, известные не севернее Свири, Вытегры и южного Прионежья, обнаруживают связи: 1) с говорами в бассейне Чагоды, Белозерья, Беломорья: ак 'союз, частица', багульник 'растение', ивень 'иной', кляч 'бревно, кусок бревна, жерди', кожух 'верх печи'; 2) только с говорами Беломорья: вольник 'баловник', вывод 'часть печи', стебать 'бить, ударять'; 3) с говорами Пудожья: белянка 'блондинка', кобылица 'ягода', курица 'одно из бревен дома'; 4) с говорами в бассейне Чагоды, Мологи, Белозерья, реке до Каргополя: аверьяновка 'растение', байка 'колыбель', бася-бася, баша-баша 'подзывные слова для овец', галуха 'весельчак, забава', домаха 'домовитая хозяйка', дрочона 'кушанье', жогать 'жалить, об оводе', завор 'ворота при въезде в деревню', мулить 'мутить воду', одёр 'телега', патраться 'возиться, пачкаться', шукать 'искать, звать, визжать'.

Если посмотреть теперь уже на общую картину славянского формирования говоров Поволховья, обрисованную в типах 1-23, то нетрудно заметить, что, начиная от Карпат и Полесья, по порогам и уступам славянская лексика в виде пучков изоглосс поднимается на север, и при этом на каждом таком уступе, в зоне каждой группы какая-то часть лексики теряется и лишь какая-то другая продолжает свое движение на север до Великой, Причудья, Поволховья. С другой стороны, начиная от Поволховья на юг, также по уступам и порогам в виде пучков изоглосс с севера на юг двигаются другие лексические волны, которые также, в свою очередь, на каждом уступе, в переходной зоне теряют часть лексики и лишь оставшаяся ее часть продолжает свое движение далее на юг до бассейна Западной Двины.

(10) Хотя такие слова могут быть известны в Белозерье, на Северной Двине, Сибири, на Урале. Другие примеры см. при анализе северо-восточных связей на с.161.

(11) Герд А.С. 1) К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры; Вып.3 / Под ред. А.С. Герда, Н.А. Мещерского. Л., 1979; 2) К истории образования говоров Посвирья // Там же; Вып.4 / Под ред. А.С. Герда, В.В. Колесова. Л., 1984. - Из рассмотрения исключены все типы связей, захватывающие одновременно и говоры Заонежья, Прионежья, Пудожья, Беломорья, Каргополя; по рекам Чагоде, Мологе, Суде.

Таким образом, чисто внешне, структурно мы наблюдаем как бы два мощных потока: один из них предстает перед нами как сумма разновременных движений с юга; другой — движений с севера. Оба потока сталкиваются в районе между линиями Себеж — Опочка — Великие Луки и Псков — Порхов — Холм. Именно этот общий рубеж является зоной контактов и смещения.

По мере продвижения от исторического славянского ареального центра в районе Волыни, Прикарпатья, Полесья на север к Великой, Ловати, Волхову очевидно увеличивается число немотивированных генетических субстратных слов. Аналогичную картину мы наблюдаем, с учетом объективных разрывов, и при продвижении на Балканы и на юг Балкан к Страндже, Родопам, Беласице.

Какова же историческая интерпретация приведенных данных?

Тип 1 свидетельствует о древнейших связях предков говоров Поволховья и Приладожья вместе с псковскими, смоленскими, брянскими, курско-орловскими и другими восточнославянскими диалектами с предками современных польских, нижнелужицких, словацких и чешских диалектов.

Типы 2, 3, исключающие либо польский, либо чешский ареал, представляют собой достаточно архаичный тип связей говоров Поволховья и всех других восточно-славянских диалектов исключительно с диалектами, вошедшими в состав белорусского, украинского и словацкого языков.

Типы 4, 5 отражают, по-видимому, различные хронологические стадии развития и контактов диалектов, легших позднее в основу говоров Поволховья и других восточнославянских диалектов, с рядом отдельных славянских диалектных группировок. При этом связи, наблюдаемые в типе 5, наиболее архаичны. Абсолютное большинство севернорусских соответствий украинскому, словацкому, словенскому, сербохорватскому представляет собой в этих зонах параллели не узко-локального, а общенародного характера. Так например, нет эксклюзивных волховско-шопских или волховско-чакавских, волховско-карпатских изоглоссов. Это свидетельствует о древности связей, о контактах предков севернорусов с предками сербов, словенцев, словаков еще до эпохи распада этих языков на отдельные диалекты и наречия.

Типы 6, 7, 8 убедительно свидетельствуют об устойчивых многовековых связях говоров Поволховья вместе с другими восточнославянскими с польскими диалектами. При этом тип 7 выявляет большое число слов, известных только в Поволховье, в белорусских диалектах, вплоть до Полесья, и в польском языке.

Тип 8 демонстрирует наличие связей говоров Поволховья, псковских и смоленских диалектов исключительно с польскими говорами.

Типы 9, 10, 11 вновь показывают глубокие исторические связи Поволховья и Псковщины прежде всего с другими восточнославянскими диалектами.

Типы 12, 13 выявляют, по-видимому, весьма архаичный и пока почти не отраженный в литературе тип исключительных словацко-севернорусских связей. В целом число исключительно севернорусско-украинских и севернорусско-словацких изоглоссов весьма велико.

Типы 14, 15, 16, частично 17, 23 свидетельствуют о том, что именно говоры на территории среднего Поднепровья восточной и юго-восточной Белоруссии и сопредельных районов южной и западной России оказали наибольшее влияние как на псковские диалекты, так и на говоры Поволховья (12). Это влияние, шедшее в разное время, с одной стороны, с юга и с юго-востока, а с другой, из бассейна Западной Двины, имеет под собой глубокие хронологические дославянские корни. Границы, выделяющие северо-восточный белорусский диалект, восходят к эпохе смоленско-полоцких кривичей, днепро-двинской археологической культуры (13).

Таким образом, если для более позднего периода типы 14, 15, 16 отражают влияние смоленско-полоцких кривичей, смешанных юго-восточных славянских волн, позднее влияние Литовского княжества и Польско-Литовского государства, то судить об этноязыковом характере миграций на рубеже нашей эры довольно затруднительно. Именно ареальные типы связей, ведущих от Поволховья через Псковщину до Белоруссии, Орловщины и северной Украины, дают связи уникальные по степени тонкости и точности совпадения в лексике. Ср., например, ареал слов с корнем глыб, квет. Такое единство ареала не могло возникнуть поздно и быстро. Хотя по белорусским диалектам источников привлечено больше, чем по другим славянским территориям, обращает на себя внимание отсутствие сильных севернорусско-юго-западно-белорусских связей.

Материалы, приведенные в типах 1-15, лишней раз подтверждают глубокую противопоставленность славянского севера славянскому югу Балкан и в особенности единой болгаро-македонской зоне. Это глубокое и древнее общее противопоставление народной речи, в материальной и духовной культуре не смогла перекрыть позднее даже эпоха мощного византийско-южно-восточнославянского духовного книжного и культурного единства X-XVI веков.

Типы 17-23 показывают наличие большого числа исключительно псковско-волховских параллелей и вновь свидетельствуют о существовании некогда глубокого и прочного псковско-новгородского единства.

Типы 1-8, 12, 13 отражают контакты предков севернорусов с другими славянскими диалектами, по-видимому, в эпоху еще до окончательного распада праславянского языка.

Типы 9-11 выявляют различные контакты предков севернорусских диалектов уже после обособления восточнославянского единства.

Типы 14-17 скорее всего отражают взаимодействие диалектов, приблизительно соответствующих пёстрой картине, наблюдаемой уже в Повести временных лет.

.....
(12) Дополнительный материал см. также в кн.: Герд А.С. 1) Ответы на анкету по проблеме «Беларуска-рускія ізалексы» // Беларуска-рускія ізалексы. Мінск, 1973, С.30-36; 2) Из псковско-брянских лексических параллелей // Брянские говоры / Под ред. С.Г. Ильенко. Л., 1985, С.59-66; 3) Из лексических связей западных севернорусских диалектов с другими славянскими языками (к истории псковских говоров). Среднерусские говоры / Под ред. Т.В. Кирилловой. Калинин, 1986, С.64-78.

(13) Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

В любом случае очевидно, что формирование типов связи 1-5 хронологически относится к периоду еще до эпохи VIII-IX вв., а географически к ареалам и состояниям совместного пребывания части предков севернорусов на территории к югу от верховьев Днепра, Березины, Западной Двины. Влияние на Русский северо-запад украинских, чешских, сербохорватских и словенских диалектов (типы 1-3, 5, 6, 8, 9) шло опосредованно, через среднее Поднепровье. Соответственно таковой же в общем является и относительная хронология приведенных выше слов; большинство из них проникло в язык будущих севернорусов задолго до их прихода в бассейны Великой, Ловати, Ильмена и Волхова. Все типы отражают и соответствующие этнолингвистические состояния как таковые. Таким образом, русские говоры Поволховья в своей основе во многом связаны прежде всего с историей славянских диалектов по Ловати, а через них уже и с диалектами более южных славянских областей. В то же время обилие различных и подчас весьма тонких типов связей говоров Поволховья и Приильменья с диалектами среднего Поднепровья, припятского Полесья, Прикарпатья и Закарпатья, уже само по себе свидетельствует о том, что потоки лингвистических волн с юга были неоднократными и рановременными.

Анализ диалектного членения Псковской области, географии слов, изоглосс позволили нам в свое время сделать вывод о том, что один из наиболее мощных потоков расселения восточных славян из Поднепровья шёл с верховьев Западной Двины в обход основного бассейна Западной Двины, по Ловати и ее притокам, огибая и не затрагивая ареальное ядро вокруг Пскова и западное Приильменье, через восточное Приильменье, в правобережное Поволховье (14). Именно среднее Поднепровье можно назвать подлинно прародиной основной массы севернорусов русского Северо-Запада, колыбелью Верхней Руси.

Рассмотрение различных диалектных границ на территории Псковской области (см. также выше типы 17-23), выделение древнего диалектного ядра вокруг Пскова позволяет теперь по-новому взглянуть и на пути формирования говоров Поволховья. Сегодня говоры Поволховья — юго-западный форпост всей группы северно-русского наречия.

Карты в книге «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» убедительно подтверждает, во-первых, границу, проходящую по бассейну Волхова (захватывая иногда и его левый берег), далее чаще на Будогощь, на нижнее течение Мсты, отсюда обычно на среднее течение Мсты к Боровичам и далее к Чагоде; во-вторых, близкую к ней границу по Волхову до верховьев, идущую от нижнего течения Мсты к Валдаю, иногда по Ловати, нередко захватывая Холм. В целом по данным ДКРЯ АН СССР 1964 г. это и есть границы северного наречия русских диалектов.

В свете данных археологии граница по Волхову и далее на юг к Ловати, по-видимому, сложилась еще со времен неолита и эпохи бронзы и хорошо видна на схемах в книге Г.С. Лебедева (15). В более раннее время, в IV-III тыс. до н.э. здесь проходила граница между нарвской и прибалтийской культурами. С конца II тыс. до н.э. южная граница текстильной керамики проходит севернее Пскова и далее на нижнее течение Шелони (16). Северная граница длинных курганов также проходит через среднее течение Плюсьи к Шелони (17). Ареал новгородских сопок, начинаясь на западе в верховьях Плюсьи, группируется вокруг Ильмена, пересекает на юго-западе среднее течение Шелони, направляясь далее к среднему течению Ловати и к верховьям Волги. Тогда общий пучок изоглосс, выделяющий севернорусское наречие, на участке Псков — среднее течение Шелони — нижнее течение Ловати — Валдай, если оставить сейчас в стороне рассмотрение вопроса о резком скоплении сопки и жальников у самого Пскова и в верховьях Великой, довольно точно совпадает с южной границей плотного распространения и сопки и жальников. По антропологическим данным южная граница ильменско-белозерской зоны проходит несколько южнее Пскова, далее на среднее течение Ловати (Холм) и далее к верхневолжским озерам (18).

Тогда новая граница севернорусского наречия, проведенная на ДКРЯ АН СССР 1964 г. в районах Поволховья и вызвавшая в свое время столько нареканий в адрес авторов этой карты, исторически является как раз одной из древнейших этнокультурных границ на севере Европы. Таким образом, формирование диалектной границы, проходящей несколько севернее Пскова на среднее течение Шелони, на Ловать к Холму, Валдаю, озерам Пено, Волго относится еще к эпохе неолита.

В свете лингвистических данных, первоначальное формирование историко-культурной зоны, которую впоследствии освоили будущие севернорусы, относится к древнейшему противопоставлению дославянского населения в Поволховье и Приильменье населению в бассейне Великой. Позднее с появлением здесь, в Поволховье, славянских поселенцев становление будущих восточноновгородских диалектов проходило на базе и в пределах культуры новгородских сопки в их противопоставлении культуре длинных курганов, а позднее в форме культуры жальников.

Такая постановка вопроса не исключает того, что само по себе первоначальное оформление восточноновгородской группы диалектов (к востоку и северо-востоку от Волхова и Западного Приильменья) протекало до некоторой степени независимо от диалектов первых славянских поселенцев в Западном Приильменье.

Таким образом, и здесь формирование славянских диалектов шло в форме подселения на основе старых уже сложившихся этнокультурных регионов. Наиболее интенсивно начальный этап развития севернорусских диалектов протекал, по-видимому, в IX-X вв. на базе славяно-финского симбиоза в русско-скандинавских политических формах.

Именно в этот период, начиная с конца VIII века, в первый период активных славяно-скандинавских связей и возникает на базе диалекта словен севернорусское новгородское наречие, этнически формируются севернорусы Поволховья (19). Нет оснований не доверять реликтам общих психологических представлений, отраженных несколько позднее в Повести времен-

(14) Герд А.С. 1) Из псковско-брянских лексических параллелей (к вопросу о белорусском влиянии на язык Пскова) // Брянские говоры. С.64; 2) Из исторической географии Псковской области. Доклад на Симпозиуме по лингвистической географии, прочитанный в Географическом обществе СССР 5-7 декабря 1985 г.; 3) К истории формирования диалектных границ вокруг Пскова // Среднерусские говоры / Под ред. Т.В. Кирилловой. Калинин, 1988.

(15) Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С.200. - Много позднее здесь же прошла граница между Обонежской и Водской пятнами.

(16) Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961. С.192.

(17) Седов В.В. Восточные славяне... С.60, 167.

(18) Алексеева Т.М. Этногенез восточных славян. М., 1973. С.23.

(19) Середонин С.М. Историческая география. Пг., 1916. С.221-223; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. - Вряд ли случайно, что в ранних скандинавских источниках Псков не упоминается, хотя встречаются имена не только Ладоги и Новгорода, но и Рос-това, Суздаля, Муромы, Полоцка, Киева. См.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории народов Европейской части СССР X-XIII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1978.

ных лет: «Ти суть людье новгородьци от рода варяжеска». По-видимому, именно походы скандинавов вместе с новгородскими словенцами из Ладоги и Новгорода перенесли через Лугу и Плюссу севернорусское наречие прежде всего в Псков (ср. типы 18-23, которые в виде уступов полукольца огибают и охватывают Псков с севера и востока), а затем уже в Смоленск и Полоцк.

Именно говоры восточного Приильменя и Поволховья легли впоследствии в основу всех восточноновгородских диалектов (ладого-тихвинские говоры северного наречия)(ДКРЯ АН СССР).

История говоров Поволховья — это часть истории формирования всей восточно-новгородской историко-культурной зоны (20). Таким образом, по лексическим данным, начиная с верховьев Волхова на юге и до Паши, Кондеги на севере все говоры восточного Поволховья характеризуются исключительным единообразием.

Северная граница этой группы говоров — нижнее течение Паши-Кондеги, деревни Новинка, Пирозеро, южные притоки Ояти (21). К северу от этой линии, на Ояти, славянский лингвистический ландшафт как в нарицательной лексике, так и в топонимике, в интонации приобретает гораздо более ярко выраженный прибалтийско-финский характер. Именно говоры к югу от Паши, Кондеги обнаруживают наиболее сильные связи с говорами по Ловати. Противопоставление района по Паше и Сяси бассейну реки Оять и обособление последнего хорошо прослеживается также и по археологическим материалам (22). В.А. Назаренко также выделяет в Приладожье два отдельных района - южное Приладожье - это бассейны Паши, Сяси, Тихвинки и районы к северу от них — Восточное Приладожье. По мнению автора, в южном Приладожье обитала особая прибалтийско-финская группировка - приладожская чудь, а в восточном Приладожье - предки карел-ливвиков и вепсов (23). Что касается названных выше лексических связей русских говоров Поволховья и южного Приладожья обнаруживают одни и те же типы лексических связей с говорами по Чагоде, Суде, Андоге, Шексне, в Белозерье, вокруг Белого озера и по реке Онеге вплоть до Белого моря. Это свидетельствует о том, что внутреннее расчленение говоров южного Приладожья сложилось много позднее установления столь широких и далеких типов связей.

Все такие типы связей в виде широкого полукольца огибают Заонежье и говоры вокруг Онежского озера, что само по себе говорит уже о необходимости выделения по крайней мере двух таких больших новых диалектных зон как а) ладого-белозерская и б) ладого-белозерско-беломорская.

Каковы же исторические основы такого ареального распределения в юго-восточном Приладожье и к востоку от него?

По данным Н.Н. Гуриной и М.Е. Фосс уже в первой половине III тыс. до н.э., начиная от устья Свири и далее к Прионежью, шла граница между ямочно-гребенчатой керамикой (к югу от этой условной линии) и керамикой типа «сперринго» (к северу от этой линии). В целом южная граница карельской археологической культуры проходила в районах Посвирья (24).

Таким образом, обособление и противопоставление первоначально единой диалектной зоны в южном Приладожье и Поволховье зоне вокруг Онежского озера имеет глубокий историко-культурный характер, который тысячелетиями позднее был усвоен и славянами в ходе славяно-финского симбиоза. Наиболее мощная из выделенных групп ладого-белозерская во многом может быть объяснена как наследие былого этнического единства древней веси в его приладожском и белозерском подтипах (25).

Данные топонимики, археологии и этнографии также свидетельствуют о необходимости выделения единой ладого-белозерско-беломорской историко-культурной зоны. Эта зона, начинаясь на юге от Приладожья южнее Свири, широким поясом к востоку от Северной Двины огибает Онежское озеро и захватывает юг Беломорья. Различные рубежи диалектных границ и микрзон (слова, известные не севернее Каргополя, Пудожья, низовьев Онеги и т.д.) отражают, по-видимому, какие-то глубокие этноисторические процессы продвижения древних племен на север. Возможно, что уже на рубеже I тысячелетия н.э. в период непосредственно предшествовавший появлению славян это была уже общая историко-культурная зона веси (26).

Таким образом, неожиданно через ареалы казалось бы поздних русских слов еще ярче просвечивают те же самые границы и зоны далеких веков, которые устанавливаются по данным археологии. Более того именно лексические ареалы выделяют новые зоны, которые теперь уже снова ждут археологов и этнографов. Почему же однако скандинавское влияние, столь подробно описанное в различных источниках, по-видимому, почти не нашло отражения в нарицательной лексике диалектов Поволховья (27)? Вероятно, причина этого в том, что это влияние шло сверху, из сферы князя и его дружины, наместников, и оно не затрагивало широкие народные массы носителей диалекта.

По данным историков, VIII век — век возникновения г.Ладоги, и уже в первой половине IX в. здесь было русско-варяжское наместничество. Однако, как пишет Н.В. Тухтина, скандинавов было немного, и они были рано ассимилированы везью (28). Неоднократно поднимавшийся в филологической литературе и вновь активно поддержанный в последнее время рядом ар-

(20) Ляпушкин И.И. Славяне восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л., 1968. С.96; Седов В.В. Восточные славяне... С.60, 181; Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973. С.66.

(21) Герд А.С. 1) По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии // Севернорусские говоры: Вып.2 / Под ред. А.С. Герда, Н.А. Мещерского. С.187-192; 2) Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров / Под ред. А.С. Герда, Н.А. Мещерского, Ю.И. Чайкиной. Вологда, 1975. С.188-195; 3) К истории образования говоров Посвирья // Севернорусские говоры; Вып.4. С.174-180.

(22) См.: Кочкуркина С.И. Юго-восточное Приладожье в X-XII вв. Л., 1973. С.60-63, там же см. и сводный анализ этнографических данных.

(23) Назаренко В.А. Об этнической принадлежности приладожских курганов // Финно-угры и славяне / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л., 1979. С.156.

(24) Гурина Н.Н. Древняя история... С.166; Фосс М.И. Древнейшая история севера Европейской части СССР. М., 1952. С.81, 141; Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С.100.

(25) В работах В.В. Пименова, А.А. Голубевой и С.И. Кочкуркиной собран исчерпывающий литературный археологический, топонимический, этнографический материал о судьбах веси и заволоцкой чуды (Пименов В.В. Вепсы. М.; Л., 1965; Голубева А.А. Веси и славяне на Белом озере X-XIII вв. М., 1973).

(26) Выделение этой зоны бесспорно. Много сложнее ее комплексная интерпретация в связи с историей, например, каргопольской и беломорской культур. Аналогичные процессы мы наблюдаем и в бассейне Западной Двины, Мсты. Методологически сам по себе этот факт еще ждет своей интерпретации.

(28) Тухтина Н.В. К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова. М., 1987. С.192-198.

хеологов вопрос о западославянской основе русских северно-западных диалектов требует уже особого рассмотрения.

Отметим в заключение следующие основные этапы ранней истории русских говоров Поволховья, восточного Приильменья и юго-восточного Приладожья.

1. Проникновение одного из потоков славянских поселенцев с верховьев Днепра в обход бассейна Великой и Западного Приильменья по Ловати и ее притокам в восточное Приильменье и на Волхов.

2. Формирование в восточном Приильменье и в Поволховье в условиях словено-финского контакта и в формах культуры новгородских сопок и жальников ладого-тихвинской группы собственно севернорусских диалектов.

3. Продвижение севернорусов Поволховья на Лугу, Плюссу, Нарову, в Западное Приильменье.

4. Обособление, стабилизация и внешняя активизация севернорусского (новгородского) наречия в условиях активного словено-скандинавского политического союза.